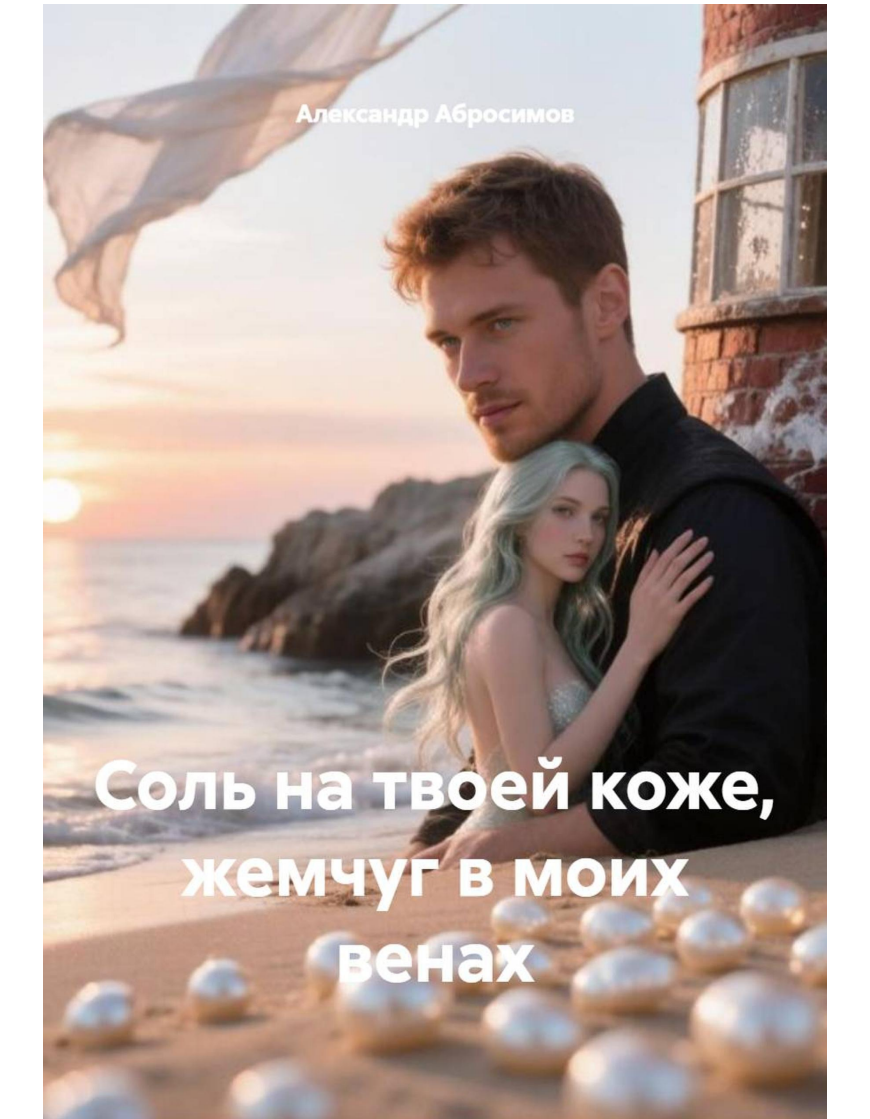

A romantic couple is featured in a cinematic photograph. The man, with short brown hair and a light beard, is wearing a dark shirt and has his arm around the woman. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a light-colored, possibly wet, dress. They are standing on a sandy beach. In the background, the sun is setting over the ocean, with waves crashing against dark rocks. A white sail is visible in the upper left, and a brick lighthouse is on the right. The foreground is filled with many large, lustrous pearls scattered on the sand.

Александр Абросимов

**Соль на твоей коже,
жемчуг в моих
венах**

Александр Абросимов

Соль на твоей коже, жемчуг в моих венах

<https://litres.ru/74193608>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Соль на твоей коже, жемчуг в моих венах» — это пронзительная история о праве быть собой в мире, требующем идеальных форм. Женщины полюбят эту книгу за тактильную честность каждой сцены, за холод балтийской воды, от которого сводит пальцы сквозь страницы, и за финал, который лечит любые душевные раны. Здесь нет спасенных чудовищ и прирученных красавиц. Есть только мужчина, научившийся греть полотенца для той, кто возвращается из бездны, и женщина, выбравшая гравитацию вместо вечности. Доказывая, что истинная близость возможна лишь там, где заканчиваются попытки понять анатомию любви и начинается безусловное принятие чужой души.

Говорят, ночью у черных скал Финского залива слышен голос сирены, но морской биолог Илья знает: там, где приборы фиксируют лишь температурную аномалию, живет нечто бесконечно более хрупкое. Спасая незнакомку из ледяного шторма, он нарушает главное правило ученого — не привязываться к объекту исследования.

Содержание

Глава 1. Янтарь с изъяном	4
Глава 2. Следы, которых не бывает	8
Глава 3. Полынья	12
Глава 4. Искусственное дыхание	15
Глава 5. Дом, которого нет на картах	18
Глава 6. Вес соли	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Абросимов

Соль на твоей коже, жемчуг в моих венах

Глава 1. Янтарь с изъяном

Писк хроматографа сливался с назойливым виброзвонком телефона, который Илья просто столкнул со стола на резиновый коврик. На экране светилось пропущенное от «Мама» и три неотправленных сообщения от сестры. Сегодня ей исполнилось пятьдесят. В банкетном зале «Северной короны» уже наверняка режут тяжелый торт с масляными розами, а отец, вернее, отчим, которого Илья так и не научился называть иначе в свои тридцать четыре, произносит первый дежурный тост за здоровье.

Илье было плевать.

Он сидел на лабораторном табурете посреди Института океанологии, стянув халат до локтей. Рукава его тонкой черной водолазки были закатаны, обнажая бледные предплечья, покрытые россыпью мелких химических ожогов. Под

вытяжным шкафом медленно сохли образцы донных отложений из квадрата сорок-бис. Обычный серый ил. Но спектральный анализ выдавал аномалию: микроскопические включения органики, которые не должны существовать на этой глубине при таком давлении.

— Ильюх, ты домой собираешься? — в дверях возник Пашка из отдела ихтиоперины, помахивая связкой ключей. — Твоя железная леди опять звонила мне, спрашивала, видел ли кто-нибудь ее пропавшего жениха. Ты юбилей-то хоть поздравил?

— Передавай привет, — не оборачиваясь, бросил Илья, подкручивая резкость окуляра стереоскопа. — Скажи, я застрял на Балтике. Буксир сел на мель.

— У тебя буксир сидит на мель уже третий год, — хмыкнул коллега, но все же прикрыл дверь, оставляя Илью в благословенном гуле вентиляции.

Коллеги списывали его одержимость на классический кризис среднего возраста. Развелся два года назад без скандала — жена просто устала спать в холодной постели человека, который во сне бормотал латинские названия водорослей. Сменил трехкомнатную квартиру у парка на тесную студию окнами на промзону. Перестал бриться по выходным. Для окружающих Илья Тихомиров превращался в сухой статистический факт угасания мужского интереса к жизни.

Но правда была грязнее и проще. Дома пахло пустотой. Его стерильная квартира с системой умного дома вылизывала пространство до состояния операционной. Там нельзя было забыть чашку на столе или оставить мокрый плащ комом на кресле. Дом требовал порядка, а порядок напоминал Илье о том, что внутри него самого ничего не растет.

Здесь, в лаборатории, среди запаха озона, формалина и старой бумаги, он дышал. Здесь хаос имел смысл. Каждая колба, каждый сбой датчика обещали открытие. Ил из квадрата сорок-бис казался ему единственным живым существом, которое еще способно его удивить. Он подцепил пинцетом крошечный фрагмент, похожий на спекшуюся каплю смолы. Внутри нее, словно пойманная муха, темнело нечто инородное. Не пластик. Не металл. Структура преломляла свет слишком мягко, слишком тепло для мертвого камня.

Илья откинулся на спинку стула, массируя переносицу. Глаза жгло от недосыпа. Он искал в этом сером песке не диссертацию. Он искал доказательство того, что мир все еще способен хранить тайны, ради которых стоит вылезать из-под одеяла. Что где-то там, в ледяной темноте Финского залива, есть жизнь, которая не подчиняется правилам приличия, семейным ужинам и ипотечным графикам.

Янтарь в его руке был теплым. И это тепло пугало Илью до дрожи в пальцах, потому что оно было настоящим.

Глава 2. Следы, которых не бывает

Низкое ноябрьское небо висело над заливом так тяжело, что казалось — протяни руку, и пальцы коснутся мокрого войлока туч. Илья ненавидел береговые выходы. Они всегда были пустой тратой времени: собрать песок, профильтровать литры ледяной воды ради двух граммов бесполезной взвеси и отморозить колени в химзащите. Но аномалия из квадрата сорок-бис требовала натурного подтверждения.

Он шел по самой кромке накатывающей пены, методично вбивая подошвы тяжелых ботинок в плотный, утрамбованный волнами песок. Ветер с Балтики забирался под капюшон, выдувая остатки тепла. Математический ум Ильи работал как швейцарские часы, раскладывая хаос природы на переменные: скорость ветра семь метров в секунду, направление зюйд-вест, температура воды плюс четыре градуса. Все имело логику.

А потом он увидел следы.

Они начинались прямо у линии прибоя, там, где море только что слизало свой собственный язык. Идеальная цепочка босых человеческих ног. Отпечатки были настолько

четкими, что Илья видел даже папиллярные узоры на своде стопы и крошечную мозоль у основания большого пальца левой ноги. Расстояние между шагами составляло ровно семьдесят два сантиметра — ритмичный, экономный бег тренированного человека.

Илья остановился. Его внутренний протокол полевой работы дал системный сбой. Он присел на корточки, забыв про ледяной ветер. Песок внутри отпечатка был влажным, но уже начинал светлеть по краям, покрываясь соленой корочкой. Свежие. Минут пять, не больше. Вода ушла.

— Так, — вслух сказал Илья, включая диктофон на телефоне. Голос прозвучал глухо и неуверенно. — Объект... объект антропоморфный. Биоформа...

Он посмотрел вперед, куда вели следы. Они бежали вдоль берега к старым дюнам, огибая гниющие плети фукуса. Логика подсказывала: кто-то выбрался на берег вплавь, замерз, побежал греться. Возможно, пьяный турист или неудачный дайвер.

Но математика отказывалась сходиться с физикой.

Следы обрывались.

Не постепенно, истираясь под ветром, а резко, хирургически чисто. Вот здесь — отчетливый отпечаток пятки с прилипшим кусочком ракушки мидии. А через десять сантиметров дальше — абсолютно гладкая, глянцевая поверхность мокрого песка, которую волна еще не успела выровнять до конца. Никаких брызг, ведущих к воде. Никаких попыток вернуться. Человек просто растворился в воздухе, оставив после себя идеальный геометрический парадокс.

Илья провел рукой в перчатке по месту исчезновения следа. Песок осыпался сухим ручейком. Никакого резинового ластика, никакой доски для серфинга, никакого мусора. Только эта звенящая пустота.

Его мозг лихорадочно перебирал варианты: оптическая иллюзия? Игра света на границе сред? Подводное течение вымыло яму именно в форме человеческой фигуры? Но глаза видели то, что видели. Физический объект весом около шестидесяти килограммов имел массу и плотность. Он должен был оставить деформацию грунта при отталкивании. Здесь же была лишь идеальная плоскость.

Холод пробрал его уже не от ветра. Это было первобытное чувство взлома системы. Кто-то нарушил правила игры, переписал базовые законы физики этого пляжа, пока Илья возился со своими колбами в лаборатории.

Он достал телефон. Руки дрожали мелкой, неприятной дрожью переохлаждения. Вместо того чтобы вызвать полицию или службу спасения, Илья включил камеру. Сделал общий план. Присел максимально низко, ловя макро объективом текстуру песка вокруг пустоты. Ему нужно было число. График. Доказательство того, что этот абсурд материален.

Вставая, он поскользнулся на мокрой гальке и едва не упал лицом в ил. Опираясь рукой о землю, чтобы удержать равновесие, Илья случайно мазнул пальцами по соседнему валуну. На шершавом граните остался длинный, жирный перламутровый след, похожий на смазанную слезу. словно кто-то стер с камня невидимую чешую.

Глава 3. Полынья

Соленая вода приняла ее не как родную стихию, а как палач — с ледяным равнодушием.

Лера вбежала в прибой прямо в том тонком хлопковом платье, которое ukrала прошлой ночью из чужой ванной. Ткань мгновенно потяжелела, сковав колени и превратившись в саван. За спиной сухо треснула ветка — наверху, среди сосен, мелькнул луч мощного фонаря. Илья что-то кричал ей вслед, его голос вяз в штормовом ветре, но слов она уже не разбирала. Слова были слишком человеческим изобретением.

Там, на берегу, под прицелом чужого света, у нее был только один выход. Шагнуть глубже.

Холод ударил ниже пояса тысячей раскаленных игл. Это была не просто температура воды плюс четыре градуса. Это был физический приказ каждой нервной клетке: изменись или умри. Лера сделала вдох, прежде чем черная бездна сомкнулась над ее головой, и этот вдох обжег трахею жидким огнем.

Переход никогда не бывает красивым, сколько бы лет она ни обманывала себя романтическими сказками о русалочьих песнях. Это всегда насилие над собственной биологией. Вода вокруг нее вскипела от микровзрывов — это клетки кожи начали экстренно перестраивать структуру. Позвоночник вывернуло судорогой такой силы, что мир перед глазами вспыхнул белыми пятнами. Хруст собственных суставов звучал громче треска ломающегося льда: тазовые кости разошлись, меняя угол наклона для будущего хвостового плавника, ребра сплющивались, освобождая место для жаберных щелей.

Мучительный треск костей длился всего сорок секунд, показавшихся ей вечностью распада. Плоть горела, словно по венам пустили кислоту. Человеческая память пыталась удержать форму, сопротивлялась гравитации дна, но холод оказался сильнее воли. Он вымораживал из нее воспоминания, имена, страх перед людьми на берегу. Остался только базовый инстинкт выживания.

Когда агония трансформации схлынула, оставив после себя звенящую пустоту, Лера открыла глаза. Зрение перестроилось: темнота больше не была слепым пятном, она распалась на слои температур и ультразвуковых вибраций. Но радость спасения тут же сменилась ужасом абсолютной беспомощности.

Вода забрала ее ноги, но взамен дала лишь тяжесть. Первые минуты после сброса оболочки — самые уязвимые. Мышцы хвоста еще спят, скованные шоковым спазмом, кровообращение едва теплится в нижних витках. Она превратилась в длинный, серебристый кусок плоти без права голоса.

Течение мягко, но настойчиво потянуло ее вниз, к липкому холоду ила. Платье обмоталось вокруг грудной клетки, мешая раскрыться новым жабрам. Воздуха в легких почти не осталось — тот жалкий глоток, который она успела сделать перед прыжком, превратился в вакуумный капкан, разрывающий диафрагму.

Она хотела сбежать от Ильи, от его стерильной лаборатории, от пытки быть понятой и названной по имени. Но теперь, паря в темноте между дном и поверхностью, Лера поняла цену этой свободы. Холод высосал из нее все тепло человеческого дома, оставив абсолютно нагое, дрожащее существо. У нее не было сил даже оттолкнуться от песка. Если течение отнесет ее чуть дальше от скал, если патрульный катер пройдет мимо этого квадрата, она просто ляжет на дно. И море заберет ее окончательно, на этот раз вместе с именем, которого у нее больше нет.

Глава 4. Искусственное дыхание

Илья нашел ее по перламутровому блеску на мокром граните валуна, о который методично била прибойная волна. Сначала он решил, что этодохлая сельдь или кусок полиэтилена, запутавшийся в водорослях. Но когда перевернул тело носком тяжелого ботинка, время остановилось.

Она была человеком лишь отчасти. От талии вверх — бледная, обескровленная девушка с посиневшими губами и спутанными льняными волосами, прилипшими к лицу ледяной коркой. А ниже... Илья заставил себя не смотреть туда, чтобы окончательно не сойти с ума. Математика дала сбой еще у кромки воды, сейчас же его мозг просто отключил функцию анализа, оставив только базовые протоколы оказания первой помощи: проверить пульс, очистить дыхательные пути, вызвать спасателей.

Пульса не было. Сонная артерия под его дрожащими пальцами молчала.

Он рванул ворот ее промокшего платья, игнорируя треск дорогой ткани. Грудная клетка казалась сделанной из мрамора. Илья запрокинул ей голову, зажал нос пальцами и плотно прижался своим ртом к ее холодным, мертвым губам.

Раз. Вдох. Его теплый воздух наполнил чужие легкие. Он почувствовал вкус йода, соли и чего-то сладковатого, металлического, совершенно не похожего на кровь. Два. Компрес-

сия. Ладони крест-накрест. Хруст ребер, которого он ждал, прозвучал иначе — глубже, влажнее, словно ломались не кости, а толстые стебли подводного растения. Три. Вдох.

Ее губы дрогнули под его губами. Не от рефлекторного спазма диафрагмы, а осознанно. Она выдохнула ему в рот тугую струю морской воды, смешанной с воздухом. Это был самый неправильный поцелуй в его жизни — отчаянный, обменный, пахнущий смертью и жизнью одновременно.

Илья отпрянул, давась кашлем. Его стерильный мир рухнул окончательно. Коллеги ошибались насчет его кризиса среднего возраста. Дело было не в отсутствии страсти. Дело было в том, что последние десять лет он изучал океан как коллекцию мертвых экспонатов. А сейчас, посреди ревущего шторма, прижимаясь ртом к губам существа, которое биологически не могло существовать, Илья пугался вовсе не жабр, которые судорожно сокращались под ключицами девушки.

Его парализовал животный ужас нормальности происходящего.

Руки сами продолжали ритмично давить на грудную клетку. Пальцы путались в чешуе, которая начала стремительно высыхать на воздухе, превращаясь в обычную человеческую кожу с легким золотистым налетом, напоминающим пыльцу. Чудовище исчезало прямо под его ладонями, подчиняясь законам термодинамики.

— Давай же, дыши, — прохрипел он, снова накрывая ее рот своими губами.

На этот раз она ответила. Слабо, конвульсивно, втянув в себя порцию воздуха со звуком, похожим на скрежет наждачной бумаги. Ее грудь поднялась.

Илья замер, тяжело нависая над ней. Дождь заливал лицо, смешиваясь с потом. Девушка распахнула глаза. Они были не черными провалами глубоководной рыбы, как рисуют в детских книжках. Они были цвета штормового моря — густые, темно-синие, уходящие в зелень на самом дне зрачка. И в них плескалось чистое, незамутненное безумие паники.

Она смотрела на него так, будто именно он был тем самым морским дьяволом, явившимся забрать ее душу. А Илья смотрел на нее и понимал страшное: если бы кто-то спросил его в эту секунду, почему он целует утопленницу вместо того, чтобы бежать к маяку, он бы не смог солгать. Этот контакт губ ощущался единственным логичным действием во всей вселенной. Словно они тысячу раз репетировали этот момент на суше, прежде чем море решило их разлучить.

Глава 5. Дом, которого нет на картах

Старая дорога к маяку заросла шиповником и дикой малиной так плотно, что казалось — земля намеренно пытается спрятать это место от чужих глаз. Илья вел Леру, поддерживая под локоть. После трансформации ее ноги дрожали мелкой, нервной дрожью; человеческая гравитация была для нее слишком грубой шуткой после невесомости глубин. Она шла босиком, инстинктивно поджимая пальцы от колючей стерни, и каждый ее шаг оставлял на сухой траве влажный темный след.

Сам маяк выглядел как выброшенный на берег гигантский зуб. Красный кирпич потемнел от лишайника и вечной сырости Балтики. Окна нижнего яруса были заколочены гнилыми досками, но стекло фонарной комнаты наверху тускло отражало рваные облака.

Илья толкнул тяжелую дубовую дверь плечом. Внутри пахло не плесенью, а сухим деревом, остывшим пеплом и канифолью. Это был склеп его детства.

— Никого здесь нет уже семь лет, — зачем-то сказал он в темноту, нашаривая на стене щиток. — С тех пор как отец... когда смотритель умер.

Щелчок тумблера прозвучал выстрелом. Под потолком медленно разгорелась одинокая лампа накаливания, выхватывая из мрака круг желтого света. Илюшина детская иллюзия безопасности стояла нетронутой.

Тяжелое кресло-качалка с протертой на подлокотниках кожей стояло точно напротив камина. На столике — открытая книга закладкой вниз, недопитая кружка с уже окаменевшей кофейной гущей, медная ступка для специй. Отчим Ильи, старый морской волк, ненавидевший суету городов, строил этот дом как ковчег. Место, куда нельзя принести внешний шум. Сюда годами не допускались ни коллеги по институту, ни женщины, ни даже сводная сестра. Только они двое и гул ветра в вентиляционной шахте.

Пытаясь спрятать Леру от мира, от коллег, которые обязательно заявятся с опросами, от больниц, где ей сделают вскрытие ради науки, Илья на самом деле пытался воскресить себя пятилетнего. Того мальчика, который сидел вот в этом кресле, завернувшись в колючий плед, пока за стеной бушевал настоящий шторм, а внутри было абсолютно тихо. Он искал точку отсчета, где мир еще имел четкие границы:

вот море (опасность), вот камень (защита).

Лера замерла на пороге, слепо шурясь на электрический свет. Ее зрачки все еще перестраивались. Она сделала неуверенный шаг внутрь, провела кончиками пальцев по корешкам книг на полке. Кожа ее ладоней была мягкой, почти без мозолей, но ногти обломаны до мяса о прибрежные камни.

— Здесь всегда так... сухо? — спросила она хрипло. Голос звучал непривычно низко для человеческого горла.

— Сухо это безопасно, автоматически ответил Илья, стаскивая с дивана чехол. — Огонь сушит быстрее всего.

Он присел перед старым чугунным камином, чиркая спичками. Ему отчаянно нужно было занять руки чем-то материальным. Когда береста и сухие щепки наконец занялись, бросив на лицо Леры пляшущие тени, Илья обернулся.

Она сидела прямо на голых половицах у подножия винтовой лестницы, обхватив колени руками. Мокрое платье парило над теплым воздухом. В отблесках пламени налет соли на ее волосах казался серебряной пылью. Она больше не была мифом или биологическим парадоксом. Она была просто замерзшим ребенком, попавшим в чужой, давно заброшенный храм чужой семьи.

Илья вдруг осознал чудовищную нелепицу ситуации: он прячет невозможное существо там, где сам прятался от обыденности. Маяк перестал быть убежищем памяти об отце. Теперь это был вольер. Стеклобанная банка с толстыми стенками, куда он посадил чудо, чтобы оно не растворилось в кислоте реального мира. Но глядя, как дрожат плечи Леры уже не от холода, а от запоздалого шока выживания, Илья почувствовал нечто забытое. Тепло очага грело не только кожу. Оно впервые за десятилетие согревало ту часть его души, которую он считал навсегда промерзшей до состояния донного ила.

Глава 6. Вес соли

Илья никогда не считал себя хорошим поваром, но яичница из трех яиц с крупно порубленной ветчиной и краюха черного хлеба казались ему вершиной гастрономического гостеприимства. Он поставил чугунную сковороду прямо на дощатый стол, подложив под нее толстую керамическую подставку. Желтки плавилась в оранжевом свете керосиновой лампы.

Лера сидела напротив, завернутая в два шерстяных пледа — старый клетчатый от отца и новый, запасной. От мокрого платья пришлось избавиться; Илья отдал ей свою единственную чистую футболку, которая доходила госте почти до колен. Она смотрела на еду так, словно это был сложный химический прибор.

— Ешь, пока горячее, — кивнул Илья, берясь за вилку.
— Тебе нужно поднять уровень сахара.

Она неуверенно потянулась к солонке. Обычная стеклянная баночка с алюминиевой крышечкой-ободком. Лера взяла щепотку крупных белых кристаллов, чтобы посолить желток.

Крик боли ударил по ушам Ильи раньше, чем он успел осознать движение.

Сковорода со звоном полетела на пол, разбрызгивая жир. Лера трясла правой рукой над столом, рассыпая соль обратно в деревянное блюдо. Ее пальцы покраснели мгновенно, словно она опустила их в кипяток, а кожа на фалангах пошла мелкими, влажными волдырями, похожими на ожоги второй степени. Из горла вырывался хриплый, нечеловеческий вой — звук попавшего в капкан зверя.

— Вода! — рывкнул Илья, вскакивая и опрокидывая стул.
— Где...

Он метнулся к раковине, сорвал вентиль и сунул ее руку под ледяную струю. Но вода из крана была жесткой, балтийской, перенасыщенной минералами. Плач Леры перешел в рвотные спазмы. Кристаллы обычной поваренной соли разъедали ее плоть быстрее, чем кислота.

Илья схватил первое, что попало под руку — чистое вафельное полотенце. Он грубо, но осторожно стер остатки влаги и соли, стараясь касаться только ткани, а не воспаленной кожи. Его собственный завтрак встал комом в горле. Запах жареного сала вдруг стал тошнотворным, тюремным.

Когда приступ прошел, Лера просто осела на пол у его ног, спрятав лицо в коленях. Платье пледов сползло, обнажив бледную спину. И тут Илья увидел то, чего не заметил в спешке: вдоль ее позвоночника, там, где заканчивалась его футболка, проступала едва заметная серебристая сетка. Это были не синяки. Это были линии закрытых жаберных щелей, которые сейчас судорожно втягивали сухой воздух кухни, пытаясь найти кислород там, где его быть не могло.

Масштаб пропасти между ними перестал быть теоретическим.

До этого момента, целуя ее на камнях и укладывая в постель отца, Илья играл в спасателя. В глубине души, как всякий ученый, он классифицировал ее как *Homo aquaticus* — редкий вид, аномалию, которую можно изучить, понять и... приручить логикой. Ему казалось, что законы физики едины для всех, стоит лишь подобрать правильный коэффициент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.